ЕН 374
Б 824

Брестский мир и борьба партии большевиков против троцкистско-бухаринских провокаторов войны

ЯРОСЛАВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЯРОСЛАВЛЬ 1938

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ОТДЕЛ ПАРТПРОПАГАНДЫ И АГИТАЦИИ
ЯРОСЛАВСКОГО ОБКОМА В К П(б)

ЕН374
Б824

Брестский мир и борьба партии большевиков против троцкистско-бухаринских провокаторов войны

ЯРОСЛАВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЯРОСЛАВЛЬ
19-8

П

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2010

ЕН 374
Б824

БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
при Ц.К. В.К.П.(б)

148
38
185122

БРЕСТСКИЙ МИР И БОРЬБА ПАРТИИ БОЛЬШЕВИКОВ ПРОТИВ ТРОЦКИСТСКО-БУХАРИНСКИХ ПРОВОКАТОРОВ ВОЙНЫ

Одной из важнейших задач Октябрьской социалистической революции был революционный выход из мировой империалистической войны, вопрос о мире. На второй день после победы революции—8 ноября 1917 года—II всероссийский с'езд советов принял под бурные овации всех делегатов ленинский декрет о мире. «Рабочее и крестьянское правительство,—говорилось в декрете,—созданное революцией 6-7 ноября (24—25 октября) и опирающееся на Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, предлагает всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире».

Руководимая Лениным, Советская республика развернула напряженную и энергичную борьбу за мир. 3 декабря в Брест-Литовске открылись переговоры советской делегации с представителями стран германской коалиции (Германия, Австрия, Турция, Болгария). 15 декабря было заключено перемирие на всем громадном протяжении русско-

го фронта и военные действия полностью прекратились. Однако очень быстро выяснилось, что Антанта отказывается вести переговоры о мире и что речь должна идти только о мире Советской России с империалистической Германией. Германский империализм полностью выявил свою хищническую природу, навязывая Республике советов грабительские условия мира, по которым в руках Германии оставались захваченные во время войны Польша, Литва, большая часть Белоруссии и Латвии, а также выплачивалась 3-миллиардная контрибуция под видом уплаты за содержание пленных. К середине января 1918 года перед Советской Россией во весь рост встал вопрос о сепаратном и аннексионистском мире с Германией.

Ленин и Сталин стояли за подписание мира с Германией, как бы тяжелы ни были его условия. И международная и внутренняя обстановка, говорил Ленин, обязывают нас заключить мир: первые месяцы после великой октябрьской победы были месяцами триумфального шествия советской власти, легко справлявшейся с сопротивлением российских помещиков, капиталистов и их меньшевистско-эсеровской челяди; а сейчас молодая, не окрепшая еще Советская республика оказалась перед лицом вооруженного до зубов германского империалистического хищника; воевать мы не можем; измученные трехлетней империалистической войной, народные массы неспособны воевать, жаждут мира; старая армия—«больная часть организма»; новая, Красная Армия еще не создана. В таких условиях преступлением является

принимать заведомо невыгодный бой с противником, во много раз более сильным. Если мы не заключим мира с Германией, указывал Ленин, то Советская республика будет раздавлена, а мир на еще более тяжелых условиях все равно будет заключен, но не нами, а буржуазным правительством, которое придет на смену советской власти.

Продолжая войну, мы об'ективно превратились бы в агентов англо-французского империализма. В своей статье «О революционной фразе» Ленин писал, что англо-французская буржуазия ставит нам западню, добиваясь того, чтобы безоружная советская социалистическая республика продолжала войну, чтобы советская власть погибла от несвоевременной военной схватки с германским империализмом. Только заключение мира и выход из войны в максимальной степени освобождали Советскую республику от обеих враждующих империалистических групп. Мир возможен, заявлял Владимир Ильич, ибо мы в своей политике мира опираемся на глубочайшие противоречия, раздирающие мировой империализм, на тот факт, что между двумя основными группами империалистических хищников идет война; заключив мир, мы получим передышку, которую используем для продолжения и закрепления социалистической революции.

Заключение мира, указывал Ленин, не ослабит, а, наоборот, еще более усилит международное значение нашей революции. «Пример социалистической Советской республики в России будет стоять живым образцом перед народами всех стран, и

пропагандистское, революционизирующее, действие этого образца будет гигантским. Здесь—буржуазный строй и обнаженная до конца захватная война двух групп хищников. Там—мир и социалистическая республика Советов» [1].

Ленин был проникнут глубочайшей верой в неисчерпаемые силы нашей революции и в ее величайшее международное значение. В Советской республике Ленин видел оплот и базу мировой социалистической революции и стремился во что бы то ни стало сохранить ее существование.

В борьбе за мир приходилось преодолевать бешеное сопротивление врагов советской власти вне и внутри страны—империалистов, русской буржуазии, ее подголосков. Англо-французские империалисты всячески пытались вовлечь Советскую Россию в войну с Германией. Германский империализм был также заинтересован в том, чтобы безоружная советская республика продолжала войну.

Заодно с империалистами действовали русская буржуазия и ее верные лакеи—меньшевики и эсеры. Они всячески поносили «похабный» мир, требуя продолжения войны. Меньшевики в своей поганенькой газетке «Новый луч» с пеной у рта требовали участия Советской страны в империалистической войне, прикрывая это требование лозунгом «революционной войны». С особенным остервенением выступали против мира «левые»

---

[1] **В. И. Ленин.** Соч. Т. XXII, стр. 198.

эсеры, с каждым днем все более выявлявшие свою контрреволюционную природу.

Агентами империалистической буржуазии внутри партии, союзниками всех антисоветских элементов выступили Троцкий и его сообщники—бухаринцы. Троцкий знал, что воевать Советская республика не в состоянии. Этот гнусный виртуоз маскировки и двурушничества прикрывал свою преступную позицию провокатора войны лозунгом: «Ни мира, ни войны».

Пролезший в ряды большевистской партии, Иудушка-Троцкий предпочитал держаться несколько в тени, выдвигая против Ленина своего подлого сообщника Бухарина. Бухаринцы, как и Троцкий, добивались свержения советской власти, пытаясь вовлечь Советскую республику в гибельную войну. В целях маскировки они называли себя «левыми коммунистами», требовали прекращения всяких переговоров с германскими империалистами и об'явления «революционной войны» Германии.

У Троцкого и бухаринцев было полное единство во всем. И Троцкий и бухаринцы пытались отравить рабочий класс буржуазным ядом неверия в социалистический характер Октябрьской революции, ядом неверия в возможность построения социализма в одной стране. И Троцкий и бухаринцы пытались подорвать у рабочего класса веру в свои силы и в способность рабочего класса повести за собой крестьянство, навязывали партии преступную политику разрыва с крестьянством. Троцкисты и бухаринцы подрывали дело укрепления со-

ветского государства, срывали победу социализма в нашей стране. Они провокационно навязывали партии политику, которая могла бы привести к гибели пролетарской диктатуры. «Левая фраза» прикрывала контрреволюционную природу этих провокаторов войны и агентов империализма. Троцкисты и бухаринцы выступали как подлинные провокаторы и поджигатели войны, взаимно поддерживая, вдохновляя друг друга на борьбу против партии большевиков. Заодно с ними были гнусные изменники и двурушники Каменев и Зиновьев.

Вся эта шайка агентов и лакеев империализма всячески пыталась спровоцировать нападение Германии на Советскую республику. Иудушка-Троцкий вероломно нарушил полученную от Ленина прямую директиву подписать мир, как только немцы пред'явят ультиматум. 9 февраля представители контрреволюционной Центральной Рады в Бресте заключили сепаратный мир с Германией, продав Украину германскому империализму. Немцы категорически потребовали от советской делегации ответа на свой ультиматум. Троцкий лицемерно запросил ЦК, как быть. Ленин и Сталин телеграммой вновь подтвердили свою линию: «Наша точка зрения Вам известна; она только укрепилась за последнее время...»[1]. Но Троцкий преступно нарушил директиву Ленина. 10 февраля Иуда-Троцкий огласил свое заявление: мира не подписываем, войны не ведем, армию демобили-

---

[1] Ленинский сборник, XI, стр. 25.

суем. Мирные переговоры были прерваны, советская делегация покинула Брест. Своим провокационным заявлением в Бресте Троцкий поставил Советскую республику под удар германского империализма. В тайных переговорах с представителями германского генерального штаба Иудушка-Троцкий заявил, что советская власть бессильна, что она «труп, который некому убрать». Иудушка-Троцкий принял все меры для того, чтобы широко открыть двери в Советскую республику германскому империалистическому хищнику.

Предательство Троцкого в Бресте было встречено одобрением со стороны буржуазии и ее приспешников и пособников. 11 февраля 1918 года на заседании Петроградского совета меньшевики и эсеры целиком поддержали позицию Троцкого в Бресте: представитель меньшевиков «считает неизбежным шагом» поведение Троцкого; правый эсер «с удовлетворением констатирует» разрыв мирных переговоров. Выступивший в прениях «левый» эсер заявил, что «позицию русской делегации считает единственно верным путем». Со всеми этими заявлениями поспешил солидаризироваться Зиновьев. На заседании ВЦИК, 14 февраля, повторилась та же картина. Троцкий был поддержан всеми врагами Ленина и советской власти: меньшевиками, правыми и «левыми» эсерами, бухаринцами.

Прошло всего лишь несколько дней, и результаты преступного поведения Иудушки-Троцкого в Бресте сказались со всей силой. Грозная опасность нависла над Советской страной. Германский импе-

риализм решил двинуть свои полчища на Советскую республику. 16 февраля немцы поставили наше командование в известность о том, что с 12 часов дня 18 февраля перемирие кончается. Однако Троцкий и его сообщник Бухарин продолжали свое преступное дело. 17 февраля вечером на заседании ЦК Ленин заявил, что надо немедленно предложить Германии новые переговоры для подписания мира. Большинством шести голосов (Троцкий, Бухарин, Ломов, Урицкий, Иоффе, Крестинский) против пяти (в том числе Ленин, Сталин и Свердлов) предложение Ленина было отклонено.

18 февраля с утра собрался ЦК. Ленин настойчиво требовал немедленно послать немцам телеграмму с предложением мира. Троцкий вместе с Бухариным продолжали свою авантюристическую линию провокаторов и поджигателей войны, выдвигая как основной довод против Ленина утверждение, сеющее опасные иллюзии,—что «немец не посмеет наступать». Предложение Ленина было отвергнуто: за—6 голосов, против—7. Прошло несколько часов, и лживое утверждение предателей—Троцкого и Бухарина—было вдребезги разбито жизнью: германские войска перешли в наступление по всему фронту; русские войска отступали, не оказывая противнику никакого сопротивления. Двинск пал. Больше нельзя было медлить ни минуты.

Вновь собрался ЦК большевиков в этот день величайших испытаний—18 февраля. Иудушка-Троцкий снова лавировал, пытался сорвать предложе-

ние мира немцам, предлагая ограничиться посылкой запроса в Берлин. Ленин и Сталин решительно выступили против предателя Троцкого, вскрыли гибельный для революции характер его предложений.

«Надо сказать прямо, по существу,—говорил товарищ Сталин,—немцы наступают, у нас нет сил, пора сказать прямо, что надо возобновить переговоры»[1].

Ленин гневно бичевал Троцкого:

«Игра зашла в такой тупик, что крах революции неизбежен, если дальше занимать политику среднюю... теперь нет возможности ждать: это значит сдавать русскую революцию на слом... Бумажки мы пишем, а они пока берут склады, вагоны, и мы околеваем. Теперь на карту поставлено то, что мы, играя с войной, отдаем революцию немцам. История скажет, что революцию вы отдали»[2].

С громадной силой обрушился на этом заседании Ленин на Бухарина, отстаивавшего авантюристический лозунг «революционной войны». «На революционную войну,—говорил Ленин,—мужик не пойдет и сбросит всякого, кто открыто это скажет»[3]. Ленин указал, что если немцы сейчас пред'явят более тяжкие условия мира, то надо будет на них согласиться в целях спасения революции. За ленинское предложение—сообщить герман-

---

[1] Протоколы ЦК РСДРП, стр. 233. Гиз. 1929.

[2] Там же, стр. 234.

[3] Там же, стр. 236—237.

скому правительству о согласии немедленно заключить мир впервые высказалось большинство.

В ночь с 18 на 19 февраля Совнарком послал телеграмму германскому правительству о согласии подписать мир. Но германские империалисты, затягивая ответ, продолжали наступать. Немцы продвинулись далеко вперед на восток, заняли Нарву, Псков и Оршу, непосредственно угрожали Петрограду и Смоленску, захватили множество военного снаряжения, пушки, снаряды и другие военные материалы. Предатель Троцкий и его пособник Бухарин своей преступной политикой привели революцию на край гибели.

23 февраля утром советское правительство получило ответ от немцев. Этот ответ, как и предсказывал Ленин, ставил еще более тяжелые условия, чем раньше. Германские империалисты дополнительно потребовали от Советской республики немедленно очистить всю Латвию, Эстонию и Финляндию, заключить мир с Украинской Радой, демобилизовать всю армию (кроме того при подписании мира немцы отняли у нас для Турции Карс и Батум).

Фактически в распоряжении советского правительства был только один день для ответа немцам—23 февраля. Это был день самой острой и напряженной борьбы Ленина за мир. На историческом заседании ЦК Ленин в резкой и ультимативной форме потребовал принятия германских условий мира, заявляя, «что политика революционной фразы окончена. Если эта политика будет теперь продолжаться, то выходит и из правитель-

ства и из Ц.К. Для революционной войны нужна армия, ее нет. Значит, надо принимать условия».

О своей позиции Ленин немедленно довел до сведения всей партии. В вечернем выпуске «Правды» от 23 февраля каждый член партии, каждый рабочий с волнением читал гневные ленинские строки:

«Только безудержная фраза может толкать Россию, при таких условиях, в данный момент на войну, и я лично, разумеется, ни секунды не остался бы ни в правительстве ни в Ц.К. нашей партии, если бы политика фразы взяла верх...

Пусть знает всякий: кто против немедленного, хотя и архитяжкого мира, тот губит Советскую власть»[1].

Ленинскую позицию целиком разделяли и со всей силой отстаивали на заседании Сталин и Свердлов. «Либо передышка, либо гибель революции—другого выхода нет»,—заявил Сталин. Бухаринцы яростно сопротивлялись; Троцкий, верный своей иезуитской природе, извивался змеей. Но линия Ленина взяла верх: большинством 7 голосов (в том числе Ленин, Сталин, Свердлов) против 4, при 4 воздержавшихся, ЦК голосовал за принятие условий мира.

Победу в ЦК партии надо было еще закрепить на заседании ВЦИК, который должен был окончательно решить вопрос о принятии или отклонении поставленных немцами условий мира. Заседанию

---

[1] **В. И. Ленин.** Соч. Т. XXII, стр. 276.

ВЦИК предшествовало об'единенное заседание большевистской и «лево»-эсеровской фракции ВЦИК, протекавшее в обстановке ожесточенной борьбы. Вслед за тем состоялось отдельное заседание большевистской фракции. Яростные атаки бухаринцев были отбиты. Бухаринцы потребовали предоставить им право свободы голосования на заседании ВЦИК в расчете на то, что совместно с «левыми» эсерами им удастся на этом заседании собрать большинство против Ленина и сорвать заключение мира. Это неслыханное в истории партии требование бухаринцев большевистская фракция с негодованием отвергла, высказавшись большинством голосов за ленинскую политику мира. Наконец, около 3 часов ночи (с 23 на 24 февраля) открылось заседание ВЦИК. Ленин сделал краткий доклад. «Левые» эсеры яростно выступили против заключения мира. Бухаринцы, грубо нарушая партийную дисциплину, частью ушли перед голосованием, частью голосовали против (например Бухарин) или воздерживались. Но напрасны были все эти маневры. 116 человек голосовали за мир, 84—против, воздержалось—26. ВЦИК постановил принять условия мира, и Ленин немедленно сообщил это решение германскому правительству.

Неделя с 18 по 24 февраля 1918 года—от начала наступления немцев до принятия германских условий мира—сыграла величайшую роль в истории нашей революции. Ленин тогда писал, что эта неделя «войдет как один из величайших исторических переломов в истории русской—и междуна-

родной—революции»[1]. Провокация Троцкого и Бухарина поставила под угрозу самое существование молодой Советской республики. Непосредственным результатом предательства был еще более тяжелый мир с германским империализмом, потеря громадных запасов военного снаряжения, захваченных немцами при наступлении. Троцкисты и бухаринцы «на деле **помогли** германским империалистам и **помешали** росту и развитию революции в Германии»[2]. Таковы были плоды преступной политики троцкистско-бухаринских поджигателей войны. Ленин и Сталин своей твердой и последовательной политикой мира, беспощадно громя предателя Троцкого и его сообщника Бухарина, отстояли существование Советской республики.

После решения ЦК большевиков и ВЦИК о подписании мира борьба приняла еще более острые, еще более ожесточенные формы. Кадеты, меньшевики, правые и «левые» эсеры вели разнузданную кампанию против Ленина, партии, советского правительства. С ними заодно выступали троцкисты и бухаринцы. Бухаринцы, пользуясь тем, что стояли у руководства в ряде мест, в том числе в таких важнейших организациях, как Петроградская и Московская, пытались поднять эти организации на бунт против Ленина. 24 февраля московское областное бюро, фактически бывшее организационным центром бухаринцев во всероссийском масштабе, «выразило недоверие» ЦК, потребовало пе-

---

[1] **В. И. Ленин.** Соч. Т. XXII, стр. 290.

[2] **Там же,** стр. 307.

ревыборов ЦК и отказалось подчиниться его решению о принятии германских условий мира, заявив, что «находит едва ли устранимым раскол партии в ближайшее время». «Мы считаем,— писали бухаринцы, — целесообразным итти на возможность утраты советской власти, становящейся теперь чисто формальной». Громкими фразами прикрывалась чудовищная измена, открыто провозглашалось пораженчество в отношении советской власти.

Бухаринцы в своей глупой борьбе против партии и советского правительства, всячески маскируясь, пытались использовать негодование и возмущение грабительскими условиями мира, охватившие широкие массы рабочих и членов партии, пытались опереться на эти настроения. Но революционный рассудок быстро брал верх у сознательных рабочих. Быстро рассеивался в массах угар «революционной фразы».

С громадной силой звучала в те исторические дни агитация Ленина за мир. Почти ежедневно в «Правде» появлялись пламенные ленинские статьи, тяжелым ударом обрушивавшиеся на провокаторов войны, толкавших Советскую власть на гибель. 21 февраля была опубликована статья Ленина «О революционной фразе»; 23 февраля—«Мир или война?»; 24 февраля—«Несчастный мир» и «Тезисы по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира»; 25 февраля—«Тяжелый, но необходимый урок»; 26 февраля—написанное Лениным обращение ЦК «Позиция Ц.К. Р. С.-Д. Р. П. (большевиков) в вопросе о сепаратном и аннексионистском мире»; 28 февраля —

«Странное и чудовищное»; 1 марта—«На деловую почву»; 5 марта—накануне открытия VII партийного с'езда—«Серьезный урок и серьезная ответственность»; после партийного с'езда и незадолго до с'езда советов—пламенная статья Ленина «Главная задача наших дней». Жизнь с громадной быстротой убеждала массы в величайшей правоте Ленина, показывала, что спасение только в одном: стиснув зубы, собрав всю свою волю и решимость, подписать тяжелый мир с тем, чтобы немедленно начать по-настоящему готовить оборону социалистического отечества. Партия, рабочий класс, народные массы все теснее сплачивались вокруг Ленина.

Троцкисты и бухаринцы совместно с «левыми» и правыми эсерами в глубоком подполье стали организовывать контрреволюционный заговор против Ленина как главы советского правительства. Эти негодяи ставили своей целью сорвать брестский мир, свергнуть советское правительство, арестовать и убить Ленина, Сталина и Свердлова. Только теперь, через 20 лет, стали известны гнусные планы этого человеческого отребья.

3 марта советская делегация в Бресте подписала мирный договор, демонстративно отказавшись обсуждать его. Но борьба предателей родины против брестского мира не прекратилась: предстояла еще ратификация мирного договора. Вокруг этой ратификации развернулась острая борьба. Первым этапом явился VII съезд партии, экстренно созванный для окончательного решения вопроса о мире. В течение [illegible] дней, 6—8 марта, на с'езде

шла ожесточенная и упорная борьба с троцкистско-бухаринскими провокаторами войны. Свора врагов была разоблачена и разбита.

При обсуждении и голосовании ленинской резолюции о мире Троцкий и бухаринцы выступили с «поправкой», запрещающей советскому правительству подписать мир с Украинской Радой и финляндским буржуазным правительством. Ленин подверг резкой критике эту попытку—лишить ЦК свободы маневрирования, и с'езд эту «поправку» отклонил. Вслед за тем троцкисты внесли предложение одобрить предательское поведение Иудушки-Троцкого в Бресте, его отказ подписать мир 10 февраля. С'езд решительно отклонил и это предложение и заклеймил попытку потерпевших поражение троцкистов и бухаринцев продолжать на с'езде свою подрывную, дезорганизаторскую работу.

Центральный комитет был избран с'ездом в таком составе, который обеспечивал проведение ленинской линии. Разгромив троцкистско-бухаринскую свору, VII с'езд сыграл крупнейшую роль в укреплении партии, в сплочении ее рядов на основе ленинизма.

Следующим этапом борьбы явился IV чрезвычайный всероссийский с'езд советов, состоявшийся 14—16 марта. Для того, чтобы сорвать ратификацию мирного договора, враги пустили в ход все силы и средства. Атмосфера на с'езде была накалена до крайности. Единым фронтом против Ленина и большевистской партии выступили меньше-

вики, правые и «левые» эсеры, максималисты, анархисты.

В этой напряженной обстановке бухаринцы продолжали преступную и вероломную политику в отношении партии. На большевистской фракции с'езда бухаринцы были разбиты: за утверждение мирного договора голосовало 453 делегата, против—36, воздержалось—8. Взбешенные своим поражением, бухаринцы пошли на прямой срыв партийной дисциплины. При голосовании на с'езде резолюции об утверждении брестского мира бухаринцы в количестве 55 человек воздержались от голосования и огласили декларацию, направленную против ленинской политики большевистской партии.

IV всероссийский с'езд советов громадным большинством одобрил ленинскую политику передышки. За ленинскую резолюцию голосовало 784 делегата, против—261, воздержались—115. Брестский мир был ратифицирован.

Так Ленин и Сталин, ломая все препятствия, твердо шли к цели — вырвать страну из империалистической войны, дать измученным войной народным массам мир, завоевать передышку для организации и укрепления советского государства.

***

Мир был заключен. Советская власть, руководимая большевиками, выполнила свое обещание — дать измученным народным массам мир. Это имело величайшее, всемирноисторическое значение. «Из империалистской войны, из империалистского мира вырвала **первую сотню миллионов людей** на земле

первая большевистская революция» [1]. Советская республика показала измученным четырехлетней империалистической бойней народам путь к выходу из войны. Завоевана была передышка. Ее надо было использовать для организации и укрепления советской власти, для создания Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Но даже ратификация брестского мирного договора IV всероссийским с'ездом советов еще не положила конец борьбе за мир, за передышку. Борьба продолжалась. Капиталистический мир и эксплоататорские классы внутри страны, их агентура — от меньшевиков и эсеров до троцкистов и бухаринцев—пыталась сорвать дело укрепления Великой Октябрьской социалистической революции. Они поставили себе целью сорвать передышку, сорвать брестский мир и вовлечь Советскую республику в войну против германского империализма; помешать максимальному использованию передышки, помешать организации экономической и военной мощи советского государства, сорвать налаживание социалистического производства и подорвать обороноспособность страны, обеспечить восстановление власти и собственности капиталистов и помещиков. В борьбе за достижение этой гнусной цели они шли на все. И кадеты, и меньшевики, и правые, и «левые» эсеры, и троцкисты, и бухаринцы выступили против брестского мира, против внешней политики советской власти. Все их печатные органы — от кадетского «Нашего века»

---

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. XXVII, стр. 28—29.

до «левого» «Коммуниста» — вели яростную кампанию против брестского мира, стараясь толкнуть безоружную Советскую республику на войну и поражение.

Передышка была непрочна. Она держалась на противоречиях внутри международного империализма, на ожесточенной схватке между двумя основными группами империалистических хищников. В любой момент передышка могла быть сорвана.

К концу апреля—началу мая 1918 года политическое положение Советской республики стало чрезвычайно напряженным. Во-первых, Антанта, нажимая на нас и требуя об'явления войны немцам, вступила на путь открытой интервенции: в начале апреля в Мурманске высадился английский десант, а во Владивостоке—англо-японский десант. Так было положено начало антантовской интервенции на Севере и на Дальнем Востоке. Во-вторых, обострились взаимоотношения Советской республики с Германией. Оккупировав к концу апреля всю Украину и Крым, германский империализм не думал этим ограничить свои грабительские планы. 7 мая австро-германскими войсками был занят Ростов на Дону. Назревший конфликт с немцами по вопросу о форте Ино и Мурмане мог дать Германии, где усиливалось влияние военной партии, повод к возобновлению общего наступления на Советскую республику. При поддержке германской оккупационной армии была свирепо подавлена рабочая революция в Финляндии и совершен гетманский переворот на Украине, который означал

не что иное, как реставрацию «буржуазно-помещичьего монархизма в Украине...»[1]

Очень напряженным было положение на финляндской, украинской и турецкой границах. С Финляндией, Украиной и Турцией мир все еще не был заключен; Советская республика находилась фактически в состоянии войны с ними. Любая провокация на этих границах могла взорвать брестский мир. Обострилось и положение внутри страны. Гетманский переворот на Украине поднял настроение контрреволюционных элементов внутри Советской России, активизировал их. Страна переживала продовольственный кризис, в ряде районов и городов был голод.

В этой напряженной политической обстановке усилилась атака на внешнюю политику коммунистической партии со стороны буржуазии и ее подголосков—меньшевиков и эсеров. Меньшевики и правые эсеры с пеной у рта требовали отказа от брестского мира. «Левые» эсеры провоцировали срыв брестского мира и войну с Германией. Заодно с ними выступали троцкисты и бухаринцы. На заседании ЦК 10 мая 1918 года Сокольников внес резолюцию, в которой подчеркивалось, что «война с Германией является неизбежной, передышка—данная брестским миром — оконченной». В то же время он требовал «заключить военное соглашение с англо-французской коалицией на предмет военной кооперации на определенных условиях».

Троцкисты и бухаринцы выступили как агенту-

---

[1] Ленинский сборник XI, стр. 81.

ра антантовского империализма. Не даром в адские планы английского разведчика Локкарта входило всемерное использование Троцкого и его бухаринского охвостья для срыва брестского мира и свержения советской власти. Локкарт в своих мемуарах пишет: «Я послал несколько телеграмм в Лондон, требуя официальных директив, которые позволили бы мне укрепить позицию Троцкого». В своих переговорах с Троцким Локкарт обещал этому прожженному предателю и провокатору полную поддержку со стороны Англии в случае срыва брестского мира. И Троцкий ему обещал, что «мир будет заключен на короткий срок». Так уже в 1918 году Иудушка-Троцкий совместно с агентами иностранных разведок прилагал все силы к свержению советской власти.

Антанта пыталась подвести под начавшуюся интервенцию законное «основание», представить ее народным массам капиталистических стран, горячо сочувствующим советской власти, не как грубое вмешательство в дела Республики советов, а как «приглашение» антантовских войск советским народом и правительством. С этой целью инсценировались выступления всякого рода «общественных деятелей». Так, в Москве состоялось совещание членов Учредительного собрания, представителей эсеров, энесов, кадетов, плехановской группы «Единство», буржуазных кооператоров и т. д. Совещание приняло резолюцию, в которой говорилось, что «условия Брестского мира не дают России организовать отпор нашествию германского империализма. Все это дает основание сотозникам

попытаться организовать оборону на русской территории. Такое выступление должно, по мнению совещания, вызвать сочувствие всех тех групп, которые не признают Брестского мира».

В том же направлении действовал и Троцкий, и бухаринцы, прикрывавшиеся маской «левых коммунистов». Предатель Троцкий всячески облегчал дело интервенции хищникам антантовского империализма. 14 марта Троцкий дал Мурманскому совету преступную директиву: «Вы обязаны принять всякое содействие союзных миссий». Эта директива поощрила контрреволюционных царских офицеров, оказывавших громадное влияние на политику Мурманского совета, и явилась оправданием для предательской деятельности руководителей совета. 15 марта троцкистское руководство Мурманского совета заключило с представителями англо-французской миссии соглашение, в силу которого началась «на законном основании» оккупация Мурманского края.

Ленин и Сталин приняли все меры к тому, чтобы предотвратить оккупацию Мурмана англичанами. В разговоре по прямому проводу с председателем Мурманского совета Юрьевым Сталин от своего имени и от имени Ленина заявил:

«Примите наш ответ: нам кажется, что вы немножечко попались, теперь необходимо выпутаться. **Наличие своих войск в Мурманском районе и оказанную Мурману фактическую поддержку** англичане могут использовать при даль-

нейшем осложнении международной кон'юнктуры, как основание для оккупации»[1].

Но политика позорного сотрудничества руководства Мурманского совета с интервентами продолжалась. Тогда Ленин послал последнее предупреждение Юрьеву:

«Если вам до сих пор неугодно понять советскую политику, равно враждебную и англичанам и немцам, то пеняйте на себя... С англичанами мы будем воевать, если они будут продолжать свою политику грабежа»[2].

Оккупация Мурманска, а вслед за ним и Архангельска произошла. Так Троцкий помог антантовской интервенции на Севере.

Одновременно Троцкий оказал содействие японской интервенции на Дальнем Востоке. Вот свидетельство одного из вдохновителей и организаторов иностранной интервенции в СССР, Черчилля: «28 марта Троцкий сообщил Локкарту, нашему представителю в Москве, что он не возражает против вступления в Россию японских сил для противодействия германскому натиску, если только в этом выступлении будут участвовать другие союзники и дадут со своей стороны некоторые гарантии. Он просил, чтобы Великобритания назначила британскую морскую комиссию для реорганизации русского черноморского флота и выделила британского офицера для контроля над русскими

---

[1] «Правда» № 51 от 21 февраля 1935 года.

[2] «Правда» № 51 от 21 февраля 1935 года.

железными дорогами... Англичане приложили все усилия, чтобы получить формальное приглашение от большевистских вождей»[1]. А через несколько дней после этой беседы—5 апреля—во Владивостоке высадился десант английских и японских войск. Так, при содействии Троцкого, началась интервенция и на Дальнем Востоке.

Не ограничиваясь этим, Троцкий продавал социалистическую родину и американскому империализму. Об этом свидетельствует переписка тогдашнего американского посла в Советской России Фрэнсиса со своим правительством: «Троцкий заявил Робинсу,—писал Фрэнсис,—что ни правительство, ни русский народ ничего не имеют против американского наблюдения над всеми отправками товаров из Владивостока в Россию, а равно и не возражают против фактического контроля над Сибирской железной дорогой»[2].

У Троцкого, трижды презренного пайщика японо-германского фашизма, большой стаж по части всякого рода кровавых и грязных услуг империализму в его борьбе против советского государства!

Партия большевиков дала резкий отпор провокаторам войны. ЦК большевиков подтвердил свою

---

[1] **В. Черчилль.** «Мировой кризис», стр. 51. Воениз. 1932.

[2] Полковник Робинс—представитель американского Красного креста в России. Американская железнодорожная миссия работала в Сибири еще со времен правительства Керенского.

верность ленинской политике. «Внешняя политика Советской власти никоим образом не должна быть изменяема. Наша военная подготовка еще не закончена, и потому общим лозунгом остается по-прежнему: лавировать, отступать, выжидать, продолжая эту подготовку изо всех сил»[1], —заявил ЦК на своем заседании 13 мая, приняв предложенные Лениным «Тезисы о современном политическом положении».

В тот же день Ленин выступил с докладом на московской общегородской партийной конференции. Тезисы Ленина были приняты на конференции подавляющим большинством голосов. На следующий день—14 мая—Ленин выступал дважды с докладом о положении Советской республики: первый раз на заседании фракции большевиков ВЦИК, Совнаркома и представителей Московского совета; второй раз — на об'единенном заседании ВЦИК и Московского совета. «...Мы говорим себе,—заявил Ленин,—к защите отечества мы относимся с осторожностью, все, что может наша дипломатия дать, чтобы отдалить момент войны, рабы продлить перерыв, мы обязаны сделать, мы обещаем рабочим и крестьянам сделать все для мира. И мы это сделаем»[2].

Против ленинской политики передышки на этом заседании ожесточенно выступили меньшевики, правые и «левые» эсеры, требуя разрыва брестского мира, вооруженной борьбы с немцами и

---

[1] Ленинский сборник XI, стр. 81.

[2] **В. И. Ленин.** Соч. Т. XXIII, стр 14.

восстановления союзных связей с Антантой. Но подавляющим большинством голосов была принята резолюция, одобряющая мирную политику советской власти и подчеркивающая необходимость усиления работы по организации Красной Армии. Атака меньшевистско-эсеровской контрреволюции была отбита; надо было дать отпор и их сообщникам—бухаринцам. На следующий день—15 мая—открылась московская областная партийная конференция. Бухаринцы, засевшие в московском областном бюро, прибегли к самым мошенническим приемам борьбы против партии. Представительство московской городской организации было вдвое уменьшено. Докладчиком был назначен «левый» Ломов, Ленину был предоставлен только содоклад. Но все эти ухищрения не помогли. Бухаринцы были разбиты.

Отбив все попытки спровоцировать войну Советской России с Германией и поймать советскую власть в западню, партия большевиков твердо и последовательно проводила ленинскую политику передышки. Передышка, как она ни была шатка и непрочна весной 1918 года, дала возможность коммунистической партии и советской власти перенести центр своего внимания и сил на вопросы социалистического строительства.

Путь к победе социализма, указывал Ленин, лежит через организацию строжайшего и всенародного учета и контроля за производством и распределением продуктов, через повышение производительности труда и организацию социалистического соревнования. Борьба против мелкобуржуаз-

ной стихии, из которой рождается и растет капитализм, борьба за создание новой, социалистической дисциплины стали в центре внимания.

«Веди аккуратно и добросовестно счет денег,—писал Ленин,—хозяйничай экономно, не лодырничай, не воруй, соблюдай строжайшую дисциплину в труде,—именно такие лозунги, справедливо осмеивавшиеся революционными пролетариями тогда, когда буржуазия прикрывала подобными речами свое господство, как класса эксплуататоров, становятся теперь, после свержения буржуазии, очередными и главными лозунгами момента»[1].

Ленин со всей силой подчеркивал, что практическое проведение в жизнь этих лозунгов Советской властью, ее методами, на основании ее законов, является необходимым и достаточным для полной победы социализма.

Таков был гениальный ленинский план борьбы за социализм. Не даром так всполошились буржуазия и ее мелкобуржуазные лакеи! Не даром вся буржуазная и мелкобуржуазная печать яростно атаковала ленинский план. Особенно отличились верные холопы буржуазии—меньшевики и эсеры. Свою борьбу против строительства социализма и против трудовой дисциплины они прикрывали критикой «слева», клеветнически обвиняя большевиков в «возврате к капитализму». Буржуазия и ее прихвостни в борьбе против учета, контроля и пролетарской дисциплины пытались использовать мелко-

---

[1] **В. И. Ленин.** Соч. Т. XXII, стр. 443.

буржуазные предрассудки, разжигали мелкособственнические инстинкты. Заодно с ними действовали бухаринцы, с остервенением выступавшие против ленинского плана строительства социализма. На заседании ВЦИК 29 апреля против Ленина дружно выступили меньшевик Мартов и «левый» Бухарин, правый эсер Лихач и «левый» эсер Карелин. Писания троцкистско-бухаринских агентов буржуазии из «Коммуниста» ничем не отличались от упражнений «лево»-эсеровских писак из «Знамени труда». Не даром Ленин назвал бухаринцев «недопошенными левыми эсерами».

Так в вопросах и внешней и внутренней политики бухаринцы выступали фактически вместе со всей буржуазной и мелкобуржуазной контрреволюцией — от кадетов до «левых» эсеров — против Ленина и ленинской политики большевистской партии.

С конца мая—начала июня признаки срыва передышки все множились. Начался чехословацкий мятеж, организованный по указке англо-французских империалистов. Мятеж являлся составной частью крупнейшего заговора против советской власти, во главе которого стоял английский дипломат-разведчик Локкарт. Этот заговор строился на активном использовании всех врагов советской власти. Не случайно 6—7 июля вспыхнули одновременно савинковский мятеж в Ярославле, Рыбинске, Муроме, и «лево»-эсеровский мятеж в Москве. В расчеты Локкарта входило и использование Троцкого с его бухаринским хвостом. Эти расчеты целиком оправдались.

В смрадном контрреволюционном подполье, тесно связанные с империалистическими разведками, переплелись в один клубок троцкисты, бухаринцы, правые и «левые» эсеры. Бухаринцы были полностью в курсе подготовлявшегося «левыми» эсерами провокационного убийства германского посла в Москве Мирбаха и контрреволюционного июльского мятежа. Поведение Пятакова и Бубнова на I с'езде КП(б)У, происходившем в Москве в дни «лево»-эсеровского мятежа, свидетельствовало о том, что бухаринцы на деле поддерживают эту контрреволюционную банду, выступившую с оружием в руках против советской власти. Пятаков и Бубнов отказались осудить контрреволюционный «лево»-эсеровский мятеж, фактически солидаризировались с ним.

Поддержкой «лево»-эсеровского мятежа не ограничились злодеяния троцкистско-бухаринской шайки в 1918 году. Следствием по делу «право-троцкистского блока» неопровержимо доказано, что Бухарин и его союзники, «левые» эсеры, знали о подготовке правыми эсерами террористических актов против руководителей партии и советского правительства. Больше того, негодяй и двурушник Бухарин организовал с помощью правых эсеров злодейское покушение на Ленина. За злодейское покушение эсеровской террористки Каплан на жизнь Ленина целиком и полностью отвечает изверг Бухарин, напрасно надеявшийся скрыть от советского народа эту неслыханную измену и чудовищное преступление.

Так, в исключительно напряженной обстановке

1918 года Троцкий, Бухарин и вся их бандитская шайка шли на любое преступление и злодеяние против Советской республики. В борьбе против брестского мира они сомкнулись с злейшими врагами советской власти—империалистами и их лакеями из лагеря меньшевиков и эсеров.

«Известно,—говорил о бухаринском охвостье Троцкого товарищ Сталин,—что они критиковали партию «слева», выступая против Брестского мира и квалифицируя политику партии как оппортунистическую, непролетарскую, соглашательскую в отношении империалистов. А на деле оказалось, что, выступая против Брестского мира, «левые» коммунисты мешали партии получить передышку для организации и укрепления Советской власти, помогали эс-эрам и меньшевикам, стоявшим тогда против Брестского мира, облегчали дело империализма, стремившегося задушить Советскую власть в самом ее зародыше»[1].

Разоблачая классовый смысл политики троцкистов и бухаринцев, как пособников империализма, партия в то время, однако, еще не знала о существовании контрреволюционного заговора верхушки так называемых «левых» коммунистов. Только через 20 лет раскрылось это чудовищное преступление.

Большевистская партия в борьбе с троцкистско-бухаринскими провокаторами войны добилась передышки, а затем твердо и неуклонно проводила

---

[1] **И. Сталин.** «Об оппозиции», стр. 449.

политику сохранения и укрепления этой передышки. И хотя передышка 1918 года была очень непродолжительной, она сыграла величайшую историческую роль. Брестский мир, указывал товарищ. Сталин, дал партии «возможность выиграть время, использовать столкновения в лагере империализма, разложить силы противника, сохранить за собой крестьянство и накопить силы для того, чтобы подготовить наступление на Колчака и Деникина»[1]. Передышка дала Советской республике возможность укрепить свое международное и внутреннее положение. Партия большевиков шла на неслыханно тяжелый брестский мир, зная, что он будет недолговечен. И когда в ноябре 1918 года в Германии разразилась революция, Советская республика аннулировала брестский мир.

**
*

Двадцать лет прошло с тех пор, как большевики, руководимые Лениным и Сталиным, вырвали нашу страну из мировой империалистической бойни. Мир был завоеван в ожесточенной борьбе против Троцкого и его сообщников—бухаринцев.

История всей последующей борьбы большевистской партии против антиленинских групп тесно связана с той борьбой, которая развернулась в первые месяцы 1918 года. Все антиленинские группы заимствовали у троцкистско-бухаринской шайки оружие для борьбы против партии

---

[1] **И. Сталин.** «Вопросы ленинизма», стр. 56—57. 10-е изд.

Ленина—Сталина, повторяли гнусные приемы и методы троцкистско-бухаринских врагов социализма, все дальше «совершенствуя» эти приемы и методы.

Уже тогда в своей борьбе против большевистской партии троцкистско-бухаринская свора дошла до прямой измены, до прямых переговоров с империалистами и участия в контрреволюционных заговорах, злодейски пыталась убить Ленина, Сталина и Свердлова.

Раскрытие славной советской разведкой этих чудовищных преступлений делает понятной всю гнусную, преступную деятельность троцкистских и бухаринских извергов, врагов народа. Все эти негодяи: Троцкий, Бухарин, Пятаков, Радек и другие—все время продолжали подлую борьбу против партии Ленина—Сталина и советской власти, пока не были окончательно разоблачены и разгромлены. Сейчас участники «право-троцкистского блока» держат ответ перед советским судом за все свои шелыханные, кровавые преступления, за дьявольские планы свержения в СССР существующего социалистического общественного и государственного строя, восстановления власти капиталистов и помещиков в нашей стране, распродажи социалистической родины империалистическим хищникам.

Положение Советской республики к весне 1918 года было исключительно тяжелым. Но большевики, руководимые Лениным, мужественно смотрели в лицо невиданным трудностям, твердо уверенные в победе. Непоколебима была вера боль-

шевиков в неисчерпаемые силы народа, поднятого Великой Октябрьской социалистической революцией к творчеству новой жизни.

Партия Ленина—Сталина прошла с тех пор славный, героический путь. Под ее руководством советский народ превратил «убогую и бессильную» страну в могучую и обильную великую социалистическую державу рабочих и крестьян, в страну победившего социализма, оплот мира, надежду всего передового человечества.

(«Большевик» № 5 за 1938 год).

ЗАГОВОР ПРОТИВ В. И. ЛЕНИНА В 1918 ГОДУ

Я считаю необходимым кратко остановиться на имевшем здесь место исследовании обстоятельств заговора против Владимира Ильича Ленина в 1918 году.

И на предварительном следствии и на суде Бухарин пытался всячески отвертеться от 1918 года, уйти от ответственности перед историей, перед рабочим классом, перед всем честным человечеством за чудовищное преступление, организованное Бухариным вместе с «левыми» и правыми эсерами, вместе с Троцким и его группой и отчасти осуществленное.

Бухарин позорно лгал в октябре 1918 года, открещиваясь от «левых коммунистов». Бухарин позорно лгал и в 1924 году, когда он под давлением обстоятельств приподнял краешек завесы, скрывавшей от нас настоящую правду в этом тяжком, кошмарном преступлении.

Бухарин лгал, например, в 1924 году, отрицая наличие блока между ним и «левыми» эсерами в 1918 году.

Бухарин говорит неправду и здесь, на суде, пытаясь отрицать факты, удостоверенные здесь рядом свидетелей.

Между тем, эти факты чрезвычайно важны как с точки зрения окончательного разоблачения предательского лица Бухарина, так и с точки зрения наиболее полного и правильного понимания всей последующей преступной деятельности Бухарина и его сообщников — бухаринцев.

Нужно вспомнить факты, обстановку и условия 1918 года, чтобы по достоинству оценить всю глубину адского преступления Троцкого и Бухарина против революции, всю глубину их предательства!..

Эти факты, товарищи судьи, разумеется, сейчас принадлежат уже в значительной мере истории, но они проливают полный свет на вопрос, интересующий нас, интересующий многих и особенно тех, кто не искушен еще в знании прошлого Бухарина и антисоветских группировок,— как могло случиться, что Бухарин и Рыков, которые в течение стольких лет выдавали себя за сторонников социализма, за сторонников социалистической борьбы, оказались в стане самых отъявленных врагов Советской власти, в стане изменников и предателей революции, советского народа, родины!

Эти факты, уже покрытые архивной пылью, в свете настоящего процесса оживают и начинают говорить вновь полным голосом, голосом обличителя, требующего виновных к ответу, если не перед уголовным судом, связанным рамками уго-

ловной давности, то, во всяком случае, перед судом истории, не знающей никакой давности, не знающей и никакой пощады!

1918 год. Молодая Советская Республика напрягает все свои силы, чтобы преодолеть гигантские трудности, вставшие на ее пути к утверждению и закреплению победы социалистической революции.

Страна была тогда, в буквальном смысле этого слова, повергнута впрах. Ее нужно было поднять на высоту новых, величайших исторических задач, каких не знала до того ни одна революция трудящихся.

«От периода триумфального шествия,—говорил по этому поводу В. И. Ленин,—предстояло перейти к периоду необычайно трудного и тяжелого положения, от которого отделаться словами, блестящими лозунгами—как это ни приятно было бы — конечно, нельзя, ибо мы имели в нашей расстроенной стране непомерно уставшие массы, которые дошли до такого положения, когда воевать дальше никоим образом невозможно, которые разбиты мучительной трехлетней войной настолько, что приведены в состояние полной военной негодности». (Стенограф. отчет VII с'езда партии, стр. 19).

В этих условиях борьба за мир являлась борьбой за все будущее пролетарской революции, судьба которой была в буквальном смысле этого слова поставлена на карту.

В этих условиях вопрос о войне и мире сводился по существу к одному вопросу—**быть или**

не быть Советской власти, Советскому государству, Советской стране.

Гениальная ленинская стратегия решила этот вопрос положительно. История подтвердила правильность этого решения. Она сказала: «Быть».

Ленинизм учит не только искусству наступления, но и искусству отступления.

«...Нельзя,—писал Ленин,—победить, не научившись правильному наступлению и правильному отступлению». (т. XXV, стр. 177).

Товарищ Сталин по этому поводу говорил:

«Цель такой стратегии—выиграть время, разложить противника и накопить силы для перехода потом в наступление.

Образцом такой стратегии можно считать заключение Брестского мира, давшего партии возможность выиграть время, использовать столкновения в лагере империализма, разложить силы противника, сохранить за собой крестьянство и накопить силы для того, чтобы подготовить наступление на Колчака и Деникина».

Эта стратегия, гениальная стратегия Ленина—Сталина, полностью себя оправдала. Она спасла новую Россию и Советскую власть от неминуемой гибели.

В 1924 году товарищ Сталин напомнил по этому поводу:

«Теперь даже последний дурак» видит,—говорил Ленин спустя три года после Брестского мира,—«что «Брестский мир» был уступкой, усилившей нас и раздробившей силы меж-

дународного империализма». («Вопросы Ленинизма», стр. 57).

Известно, что Троцкий и Бухарин со своими приверженцами всячески старались сорвать Брестский мир.

Троцкий и «левые» эсеры, при переговорах с генералом Гофманом, вели себя как провокаторы. «Левые коммунисты» во главе с Бухариным рвали и метали против мирной политики Советского правительства во главе с Лениным, Сталиным и Свердловым, требуя разрыва переговоров и об'явления «революционной войны».

Своими хлесткими, а по сути дела провокаторскими речами и лозунгами, бухаринцы и троцкисты пытались сбить нашу партию с ленинского пути.

«Не мир и не война», «Священная война против всесветной буржуазии» — все эти и подобные им провокаторские лозунги Троцких, Бухариных и др. имели одну единственную цель,—как об этом сказал товарищ Ворошилов в своей речи по поводу 20-летия РККА и Военно-Морского Флота,—впутать нашу страну в вооруженное столкновение с империалистами в момент, когда Советская власть еще не имела своей крепкой армии, и этим самым ликвидировать Советскую власть и расчистить путь для победы буржуазии и полной реставрации капитализма в нашей стране».

До настоящего времени бухаринцам удавалось скрыть от истории истину и в этом вопросе.

Даже на предварительном следствии в показа-

ниях от 2 июня 1937 г. Бухарин пытался скрыть действительный характер своей борьбы в период Брестского мира против Ленина, как главы Советского государства.

Бухарин пытался обойти этот вопрос, отделавшись, по своей привычке, общими отвлеченными рассуждениями о том, что он якобы «не понимал», что «конкретнейший из конкретнейших вопросов о «мужике» и был именно вопрос о том, чтобы дать массе «передышку», и подменял живые потребности момента общелитературными рассуждениями о том, что пролетарское отечество должно быть защищаемо».

Бухарину этот фокус не удался. Следствие на его удочку не попалось. Следствие, наоборот, изобличило Бухарина и изобличило в гораздо более серьезном, чем какие-то «общелитературные рассуждения».

Следствие установило, и я считаю необходимым это вам здесь напомнить, товарищи судьи, в полном об'еме, что в 1918 году, непосредственно вслед за Октябрьской революцией, в период заключения Брестского мира, Бухарин и его группа так называемых «левых коммунистов» и Троцкий с его группой, совместно с «левыми» эсерами, организовали заговор против Ленина, как главы Советского правительства.

Бухарин и другие заговорщики, как это видно из материалов следствия, имели своей целью сорвать Брестский мир, свергнуть Советское правительство, арестовать и убить Ленина, Сталина и Свердлова и сформировать новое правительство из

бухаринцев, которые тогда для маскировки называли себя «левыми коммунистами», троцкистов и из «левых» эсеров.

На следствии Бухарину были предъявлены факты, ему было дано пять очных ставок. Тогда подсудимый Бухарин вспомнил кое-что, более серьезное, чем «общелитературные рассуждения». Бухарин вспомнил такой, например, факт, как блок с «левыми» эсерами в 1918 году, в целях борьбы против Советского правительства, такой факт, как прямой заговор против Советской власти, как подготовку ареста Ленина, ареста Сталина, ареста Свердлова.

Все это Бухарин, как вы помните, признал. Но он признал это «со скрипом».

Мы помним свидетелей, которые прошли перед судом, хорошо помним их показания, мы их видели, мы их слышали. Мы помним, как тяжелым свинцом падали их слова на голову Бухарина, вдохновителя провокаторской борьбы против ленинского Совета Народных Комиссаров, Бухарина—организатора, как это с полной очевидностью установлено и судебным следствием, заговора и восстания против Советского государства, подстрекателя к убийству руководителей Советского правительства товарищей Ленина, Сталина и Свердлова.

Я имею полное основание говорить, опираясь на эти данные, что все это точно выяснено, все это достаточно точно установлено, достаточно доказано.

Позвольте остановиться мне кратко на тех до-

казательствах, которые подтверждают правильность этого заключения. Вы помните здесь показания Камкова. Камков—один из видных руководителей ЦК партии «левых» эсеров. Камков показывал, что он с Бухариным вел разговор в 1918 году по вопросу о Брестском мире, что борьба, по словам Бухарина, принимает по этому вопросу чрезвычайно острые формы. Бухарин говорил Камкову об острых формах, о том, что дебатируется в рядах «левых коммунистов» вопрос о создании нового правительства. При этом, сказал Камков, Бухарин назвал Пятакова, как возможного кандидата в руководители нового правительства, и заявил, что сама смена правительства мыслится путем ареста всего состава Советского правительства во главе с Лениным.

Бухарин это не отрицал. Правда, он говорил здесь что-то такое об аресте «на 24 часа». Но это несерьезно. Уже в 1924 году в газете «Правда» Бухарин сам раз'яснил, насколько этот план ареста Владимира Ильича Ленина был реален и серьезен. Но Бухарин открещивается от плана убийства наших вождей.

Какие он представил в свое оправдание доказательства по этому вопросу? Никаких, кроме голого отрицания. Его изобличала здесь Яковлева, его изобличал здесь Осинский, его изобличал здесь Манцев, его изобличал здесь Карелин, в соответствующей наиболее существенной части вопроса, изобличал его и Камков, ибо, как вы помните, Бухарин старался даже вопрос об аресте поставить таким образом, что, будто бы, принципа-

тива исходила не от него, а от Камкова, от «левых» эсеров. Камков здесь удостоверял, что инициатива исходила от Бухарина. Я, впрочем, согласен их обоих помирить, ибо, очевидно, инициатива исходила и от тех и от других. Этим об'ясняется та ожесточенная борьба, которая велась со стороны этих людей против Советского правительства, против Ленина и против его сподвижников — товарищей Сталина и Свердлова.

Бухарин отрицает. Но нельзя же в самом деле считать за аргумент ничем не мотивированное отрицание, тем более, что это отрицание противоречит самой логике вещей.

Если бы этого факта — плана убийства Ленина, Сталина и Свердлова — не было, то зачем бы понадобилось говорить об этом и Карелину, и Яковлевой, и Осинскому, и Мальцеву, людям, не в интересах которых сознавать сейчас такой позорный и такой страшный факт, такое чудовищное преступление против родины. А между тем, по показаниям Карелина, Бухарин прямо говорил относительно физического уничтожения Ленина и Сталина. Яковлева также говорит:

«Бухарин мне развил ту мысль, что политическая борьба приобретает все более острые формы и дело не может ограничиться одной лишь политической формулировкой о недоверии к ЦК партии. Бухарин заявил, что дело неизбежно должно дойти до смены руководства, в связи с чем стоит вопрос об аресте Ленина, Сталина и Свердлова и даже о физическом их уничтожении» (том 44, лист дела 77).

Это же подтвердил Осинский, это же подтвердил и Манцев.

Бухарин был не один. С ним эту же позицию разделял, как мы теперь установили, и Троцкий, о роли которого в заговоре против В. И. Ленина в 1918 году мы имеем на этом процессе ряд показаний, в том числе и показание самого Бухарина.

«К этому времени, — показал подсудимый Бухарин,—вновь возникла идея переворота и ареста Ленина, Сталина и Свердлова, как определяющих фигур партийного и советского руководства, на этот раз по инициативе Троцкого, которому предложение «левых» эсеров стало известно, очевидно — так я предполагаю — от Пятакова» (т. 5, л. д. 124).

Бухарин не договаривает до конца, оставаясь верным своей тактике полупризнаний.

Но есть два свидетеля — Яковлева и Манцев, которые и в этом вопросе говорят с такой точностью, какая не оставляет никаких сомнений в справедливости и правильности их показаний.

Не достаточно ли этих фактов, чтобы сказать, что заговор бухаринцев, троцкистов, «левых» эсеров в 1918 году против Ленина, Сталина и Свердлова доказан полностью!

Сам Бухарин признал наличие этого заговора, сам Бухарин признал наличие плана ареста Ленина, Сталина и Свердлова. Бухарин отрицает лишь план убийства Ленина, Сталина и Свердлова.

Однако, первым признанием подсудимого Буха-

рина о плане переворота, о плане ареста, в сущности говоря, подтверждается и последующее. В самом деле, Бухарин признал, что он вкупе со своей группой «левых коммунистов», с Троцким и его группой и с «левыми» эсерами затевали насильственное свержение Советского правительства во главе с Лениным, Сталиным и Свердловым и даже арест Ленина, Сталина и Свердлова.

Но знает ли Бухарин, что означает насильственное свержение? Знает ли Бухарин, что означают аресты, связанные с задачей насильственного свержения? Знает ли Бухарин, что люди, идущие на насильственное свержение и на насильственный арест, тем самым идут на насилие, тем самым идут и на убийство!

Насильственное свержение предполагает, а не исключает такой формы насилия, как физическое уничтожение. Бухарин насильственное свержение признает, физическое устранение—отрицает. Это явная фальшь, это явная нелепица, это явная нелогичность. Но Бухарин в таком положении, что логики от него требовать нельзя.

Факты, установленные на суде, говорят более авторитетно и более убедительно, чем это кажется и хочется Бухарину. Бухарин, правда, сейчас сказал несколько больше, чем, например, в 1924 году, но всего он все же не сказал. Бухарин так действует не впервые. В 1924 году Бухарин кое-что рассказал об этом позорном преступлении, но только кое-что.

В 1938 году Бухарин, припертый к стене, вы-

нужден рассказать уже об этом факте больше. Если бы мы хотели оценить степень фальши, иезуитства и лицемерия Бухарина, достаточно сравнить текст опубликованного им письма в газете «Правда» в 1924 году с тем, что он говорил на предварительном следствии. Он скрыл целый ряд фактов в этом письме, он не говорил, что речь шла о заговоре, он не говорил, что речь шла о прямом сговоре его группы с Троцким, он не говорил не только об убийстве Ленина, но и Сталина и Свердлова. Это вскрыто теперь. Это теперь разоблачено, это открыто, это установлено, об этом возвещено всему миру, вопреки воле Бухарина, при всем его сопротивлении к установлению этого факта. Бухарин признал, да и то, как вы видели на судебном следствии, только полупризнал потому, что ему податься некуда, что в 1918 году Бухарин об'являл Советскую власть формальной и предлагал ее ликвидировать.

Ленин разоблачает чудовищность этого бухаринского «тезиса», указывая, между прочим, на исторические примеры Франции в 1793 году и Пруссии начала XIX века, когда лучшие люди этих стран в тяжелую минуту, переживаемую их отчизной, не отчаивались, а ...«подписывали неизмеримо более тяжкие, зверские, позорные, угнетательские мирные договоры, чем брестский, умели выжидать потом, стойко сносили его завоевателя, опять воевали, опять падали под гнетом завоевателя, опять подписывали похабные и похабнейшие мирные договоры, опять поднимались и **освободились в конце концов** (не без использо-

вания розни между более сильными конкурентами-завоевателями)». (Ленин, т. XXII, стр. 302).

Но это были лучшие люди своей страны, а не изменники и провокаторы, которыми оказались на деле так называемые «левые коммунисты» и их подпольные друзья.

Но для этого нужно было, как учил Ленин, любить свою родину и свой народ, а не глумиться над ним, как глумится Бухарин и его оружеподосцы, восставшие против Ленина, призывавшего любить и уважать свой народ.

Следствие установило, что в 1918 году Бухарин и Троцкий заключили с эсерами блок для совместной борьбы против советского правительства, возглавлявшегося тогда Лениным, Сталиным и Свердловым, что они затевали вооруженное восстание, что они шли на арест и убийство Ленина, Сталина и Свердлова.

Доказано это или нет?

Доказано полностью. Доказано показаниями самого Бухарина и показаниями Яковлевой и Каринна, Камкова, Мальцева и Осинского.

Бухарин отрицает подготовку убийства, но как он отрицает? Я просил бы вас, товарищи судьи, в совещательной комнате просмотреть протокол соответствующего заседания нашего судебного следствия для того, чтобы со всей отчетливостью вспомнить метод отрицания Бухариным этого факта.

Вот этот разговор. Бухарин признает, что был одним из организаторов этого заговора.

Его спрашивают: Об аресте Ленина, Сталина и Свердлова вы открыто говорили?

«**Бухарин.** Об аресте разговор был, но не о физическом уничтожении. Это было в период не до Брестского мира, а после. В этот период у меня был один разговор с Пятаковым, когда явились Карелин и Камков и заявили, что они предлагают составить новое правительство.

Вопрос. Когда это было?

Бухарин. Это было до Брестского мира. Они предложили составить правительство путем ареста Ленина на 24 часа.

Вопрос. Значит, мы можем сказать, что до заключения Брестского мира у вас был разговор с «левыми» эсерами Карелиным и Камковым о том, чтобы сформировать новое правительство, то-есть предварительно свергнуть правительство во главе с Лениным?

Бухарин. Разгсвор был.

Вопрос. Об аресте Ленина?

Бухарин. Это эсеры говорили.

Вопрос. По вашему, эсеры говорили об аресте Ленина, а свидетельница Яковлева утверждает, что об аресте Ленина говорил и Бухарин.

Бухарин. Она путает с этим другой вопрос, она утверждает, что разговор был до заключения Брестского мира.

Вопрос. Я спрашиваю: до заключения Брестского мира был разговор с эсерами о том, чтобы арестовать Ленина?

Бухарин. Да».

Итак, вначале это эсеры говорили, потом Бухарин показывает, что этот разговор был, и он вел его сам.

«**Вопрос.** А после заключения Брестского мира тоже был разговор?

Бухарин. Был.

Вопрос. О чем?

Бухарин. О политическом контакте.

Вопрос. А об аресте?

Бухарин. И об аресте.

Вопрос. Кого именно?

Бухарин. Ленина, Сталина и Свердлова.

Вопрос. Тоже на 24 часа?

Бухарин. Тогда эта формула не употреблялась».

Как видите, раньше на 24 часа, а теперь уже не на 24 часа. Тогда речь шла только о Ленине, а теперь уже выходит, что речь шла о Ленине, Сталине и Свердлове.

«**Вопрос.** А как арестовать, для чего?

Бухарин. Для того, чтобы составить новое правительство.

Вопрос. А с арестованными что сделать?»

Бухарин торопится: «разговора о физическом уничтожении не было». Но я его об этом еще не спрашивал.

«**Вопрос.** Когда свергают правительство и арестовывают его, применяют насильственные способы?

Бухарин. Да.

Вопрос. Вы имели ввиду при аресте применить насильственные способы? Правильно это или нет?

Бухарин. Правильно.

Вопрос. Но насильственные способы в чем заключаются? Вы точно установили это?

Бухарин. Нет, не установили.

Вопрос. Значит решили так, как позволят и прикажут обстоятельства?

Бухарин. Да, совершенно верно.

Вопрос. А обстоятельства могут приказать действовать очень решительно?

Бухарин. Да».

Вывод из этого простой—предполагалось свергнуть правительство, для этого арестовать правительство—Ленина, Сталина, Свердлова, применить все те меры, которые могут продиктовать обстоятельства и обстановка борьбы, которая ведется во имя свержения правительства. Борьба была в самой острой форме, и поскольку не было — если встать на точку зрения Бухарина, как он говорил—разговора об убийстве, то ведь сам факт, сама задача свержения правительства, сама необходимость ареста руководителей того правительства, которое поставили своей целью заговорщики свергнуть,—совершенно естественно говорит, что от убийства руководителей, предполагавшегося убийства, они отрекаться и зарекаться никак не могли.

Вся логика событий, весь смысл этой борьбы, вся ожесточенность той атмосферы, в которой эта борьба шла, вся острота самого вопроса—

быть ли Брестскому миру, т. е. быть ли Советской стране, стране, строящей социалистическое общество, или не быть Брестскому миру, не быть советской земле, которую как «формальную» они предполагали отдать на разгромление врагу, — все это со всей серьезностью говорило о том, что дело идет о настоящей борьбе, которая всегда в таких случаях связана с неизбежностью применения и такой меры, результатом которой является смерть, убийство. Вот почему я говорю, для меня не с точки зрения криминологии, ибо сейчас, через 20 лет после того, как совершилось это преступление, мы не предъявляем Бухарину самостоятельного обвинения,—это имеет значение для того, чтобы оценить ту связь, которая существует между заговорщической деятельностью убийцы и контрреволюционера Бухарина и его сообщников с тем, что они делали впоследствии. Все это имеет значение для того, чтобы показать, что Бухарин и сейчас по вопросу, имеющему исторический интерес и значение, не в состоянии, не хочет признать все преступления, которые он совершил в действительности против Советской страны, против Советской власти и против Советского народа.

Бухарин в 1924 году по этому поводу писал:

«Я счел своей партийной обязанностью рассказать — в момент ожесточенной фракционной борьбы о предложении левых эсеров для того, чтобы парализовать то идиллическое прилизывание событий Брестского периода, какое прак-

тиковалось со стороны товарищей из оппозиции»...

Речь идет об аресте Ленина, о свержении Советской власти. Бухарин, таким образом, в 1924 году признавал, что это было в момент ожесточенной борьбы.

И дальше:

«Они изображали брестские времена в партии как «верх демократии». Я же отлично знаю, что это был период, когда партия стояла на волоске от раскола, а вся страна — на волоске от гибели».

В этих условиях, в условиях ожесточенной борьбы, люди, идущие на арест Ленина, на арест Сталина и Свердлова, руководителей нашей партии и правительства, могут ли остановиться перед возможностью уничтожить своих противников, перед тем, чтобы убить наших вождей? Это ни с чем несуразно, это ни с чем не вяжется. Это есть политика не говорить правду до конца, попытка, мне кажется, здесь полностью разоблаченная показаниями свидетелей и самой логикой развивающихся в это время исторических событий.

Теперь полностью раскрыто и то чудовищное преступление, которое имело место 30-го августа 1918 года. Я имею ввиду покушение на жизнь Владимира Ильича Ленина 30 августа 1918 года со стороны эсеровской террористки Каплан. По показаниям Карелина и Осинского мы можем судить, как в действительности это покушение было

организовано. Карелин здесь заявлял, что в течение 20-ти лет делались все усилия к тому, чтобы сохранить это страшное преступление в тайне, чтобы не раскрыть его настоящего и действительного содержания и смысла. Карелин утверждал здесь, что вопрос о террористическом акте против Ленина был поднят в 1918 г. никем иным, как именно Бухариным. Карелин утверждал, что Прошьян докладывал об этом членам ЦК партии «левых» эсеров. Карелин утверждал, что «такого рода требование «левых коммунистов», заявленное Бухариным, их главарем, сыграло свою роль в смысле ускорения террористического акта против Ленина, совершенного ЦК партии правых эсеров». Это чудовищное преступление—факт.

Осинский показал со слов Стукова, что он—Стуков был такого же мнения, имел такое же представление о преступлении 30-го августа 1918 года.

«В конце 1918 года Стуков,—показывал здесь Осинский,—который вместе с Бухариным был связан с эсерами, сказал мне, что выстрел, произведенный правой эсеркой Фаней Каплан в Ленина, был совершен не только по указанию руководства правых эсеров, но и явился прямым завершением мероприятий, намеченных в свое время блоком к физическому уничтожению Ленина, Сталина и Свердлова». (т. 4 1, л. д. 89).

Эти показания достаточно убедительно говорят о той подлой, предательской, дьявольской работе,

которую вел Бухарин, этот патентованный лицемер и иезуит.

Чтобы закончить с характеристикой поведения Бухарина и самого Бухарина, надо сказать, что лицемерием и коварством этот человек превзошел самые коварные, чудовищные преступления, какие только знала человеческая история.

Здесь на суде он показал себя весь.

Мы проследили шаг за шагом, год за годом политическую жизнь Бухарина.

Сколько раз Бухарин клялся именем Ленина лишь для того, чтобы сейчас же лучше обмануть и предать и партию, и страну, и дело социализма.

Сколько раз Бухарин прикасался к великому учителю с лобзанием Иуды-предателя!

Бухарин напоминает Василия Шуйского и Иуду Искариота, который предавал с лобзанием.

И повадки у Николая Ивановича Бухарина точь в точь, как у Василия Ивановича Шуйского, как изображает его нам знаменитый писатель Островский:

«Василий свет-Иваныч,
Что ни начни, все свято у него!
Заведомо мошенничать сберется
Иль видимую пакость норовит,
А сам, гляди, вздыхает с постной рожей
И говорит: «Святое дело, братцы!..»

Так и Бухарин, — вредительство, диверсии, шпионаж, убийства организует, а вид у него

смиренный, тихий, почти святой, и будто слышатся смиренные слова Василия Ивановича Шуйского: «Святое дело, братцы!» из уст Николая Ивановича.

Вот верх чудовищного лицемерия, вероломства, иезуитства и нечеловеческой подлости.

(Из речи государственного обвинителя—прокурора Союза ССР тов. А. Я. Вышинского на процессе антисоветского «право-троцкистского блока»).

Отв. за выпуск **А. Д. Крутиков.**
Техредактор **В. Н. Александров.**
Корректора **В. Б. Сас и В. Я. Попов.**

Сдано в набор 25 марта 1938 г. Подписано к печати 8 апреля 1938 г. Формат бумаги 62 X 44/16. 3,5 п. л. 2,1 а. л. Тираж 1000. Уполномоченный облгита № 4468. Индекс П-2-б. Издательский № 51. Заказ 1282.

г. Ярославль, Республиканская, 47, типография из-ва газеты «Северный рабочий».

Цена книги 25 коп.

ОПЕЧАТКА

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
48	8—7 снизу	и совещательной	в совещательной

смиренный, тихий, почти святой, и будто слышатся смиренные слова Василия Ивановича Шуйского: «Святое дело, братцы!» из уст Николая Ивановича.

Вот верх чудовищного лицемерия, вероломства, иезуитства и нечеловеческой подлости.

(Из речи государственного обвинителя—прокурора Союза ССР тов. А. Я. Вышинского на процессе антисоветского «право-троцкистского блока»).

Сдано в набор 25 марта 1938 г. Подписано к печати 8 апреля 1938 г. Формат бумаги 62 X 44/16. 3,5 п. л. 2,1 а. л. Тираж 1000. Уполномоченный облгита № 4468. Индекс П-2-б. Издательский № 51. Заказ 1282.

г. Ярославль, Республиканская, 47, типография из-ва газеты «Северный рабочий».

Цена книги 25 коп.

13177

ЦЕНА 25 КОП.

8